

Пьетра паесина

Ассизи. Город Святого Франциска, город Джотто, город переплетения домов, дворцов, церквей, город, впаянный в синеву итальянского неба. Доминанта огромного собора и зелень окружающих холмов. Мы бредем по улицам, потрясенные и вдохновленные. Вдруг я замечаю камни, выставленные в небольшой витрине. Заходим в невысокую дверь, осматриваемся, а дальше все происходит мгновенно и по-чувственному остро. Я увидел чудо. На стене висела картина, которой не может быть. Пейзаж тосканского или умбрийского города, созданный определенно не человеческой рукой и нечеловеческой душой.

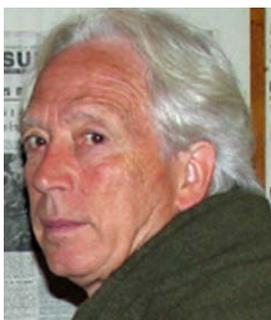
Это была первая в моей жизни встреча с загадочным камнем, с итальянской пьетрой паесиной.

С тех пор красота и магия пьетры паесины всегда со мной. Наваждение первой встречи не прошло, не нивелировалось, оно лишь перешло в ипостась любви и постоянного ожидания нового свидания.

Идея найти самому прекрасный флорентийский мрамор возникла с первого взгляда. Со временем страстное желание найти заменилось страстным желанием купить. Так в жизни зачастую бывает.

Этот камень приобретен в галерее *Claude Boullé, Rue Jacob 28*, в Париже. Пожалуй, больше нигде в мире, даже в Италии, не встретить таких великолепных образцов. Морские пейзажи захватывают дух, очаровывают, заставляют чувствовать гармонию. Я купил одну паесину, был совершенно счастлив и не спеша разглядывал всю выставленную коллекцию. В это время в галерею зашел американец. Взглянув сначала бегло на камни, он в дальнейшем уже не мог от них оторваться. Достал, не особенно напрягаясь, шесть-семь сотен евро и попросил завернуть ему пяток паесин. Для начала. «Откуда вы?» – спросил я его. «О-о-оо, – он широко улыбнулся, – я из Монтаны». «А-а-а», – ответил я. Американец оказался с чувством юмора. «Бывает», – ответил он.

Справедливости ради следует сказать, что найти совершенный образец пьетры паесины – задача задач. Надо обладать особым зрением, так как прожилки включений уходят вглубь известняка, а уж какой пейзаж они образуют внутри – известно лишь допущенным к особому знанию. Кстати, в масонской ложе знатоков пейзажного мрамора есть настоящие магистры, они знают все, но их знают немногие. Метр *Claude Boullé*, хозяин галереи на *Rue Jacob* – один из главных авторитетов в этой области. Будучи минералогом по образованию и поэтом по сути, он нашел свое призвание в изучении пейзажного камня. Пьетра паесина стала его «прекрасной дамой» и делом всей жизни.

Пьетру паесину испокон веков добывали в тайных каменоломнях в районе Флоренции, хотя отдельные находки случались и по берегам быстрой реки Арно, и на окрестных виноградниках и полях. Тем не менее, лучшие проявления пейзажного камня всегда были секре-

том. Действительно, в достойном семействе пейзажных камней итальянская пьетра паесина является настоящим аристократом. Как и положено древнему роду, ее история окутана множеством легенд и преданий.

Само название камня менялось в разные века, и сейчас трудно сказать, какое из них употреблялось наиболее часто. Флорентийский камень, флорентийский мрамор, руинный мрамор, ландшафтный мрамор, мармо паесина, тосканский мрамор – вот неполный список использовавшихся имен. Словосочетание «пьетра паесина» близко по смыслу русскому «пейзажный камень», поскольку слово «паесина» созвучно «*paesaggio*» – то есть «пейзажу» на итальянском.

По-видимому, еще Плиний Старший упоминал пьетру паесину под названием понтийского драгоценного камня. Что имел в виду Плиний, сказать трудно, но писал он о минералах, на которых видны «картины гор и долин».

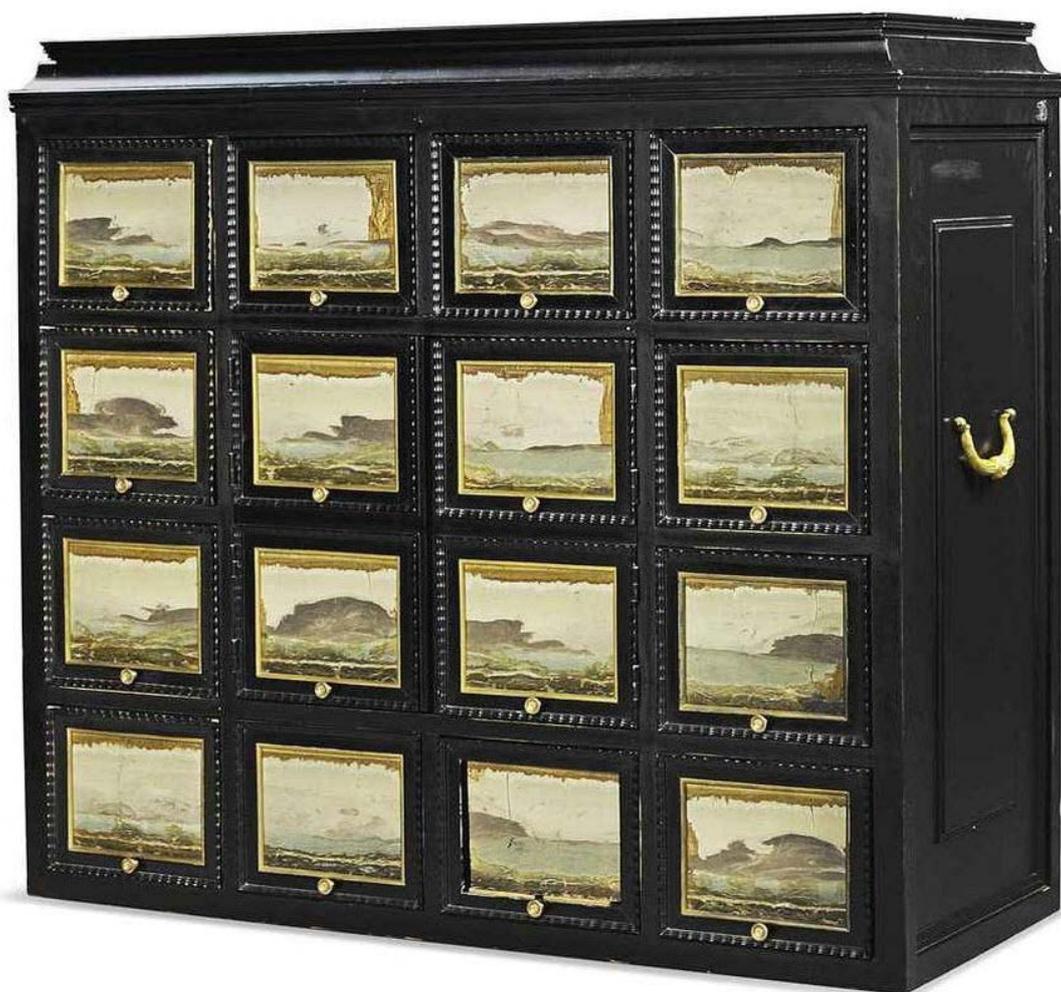
Во времена Возрождения семейство Медичи внесло огромный вклад в развитие художественной традиции. Рассказывают об одном пастухе из под Фьезоле, который наткнулся в лесу на наибольшую пещерку, скорее выемку в скале. Ниши такого рода обычны в известковых холмах Тосканы. Укрывшись от дождя он заметил, что мокрые обломки камня покрыты синеватыми узорами. С тех пор он стал носить в деревню камни и сваливать около своего дома. Так продолжалось каждый день. А однажды он ушел в город, во Флоренцию. Затем появились люди в черных камзолах и забрали камни. Их свезли к дворцу Медичи, распилили, и сам Козимо Медичи пожелал увидеть то, о чем рассказал пастух. Так возникла флорентийская мозаика. Конечно, это лишь одна из тосканских легенд, но становление флорентийской мозаики действительно тесно связано с заказами Медичи на использование пьетры паесины в интерьерах Уффици. Камень использовали также как фон для фресок и картин, ему посвящали стихи и сонеты. Место находок лучших сортов хранилось в строжайшей тайне, которая передавалась из поколения в поколение.

Долгие годы Медичи держали монополию на создание и использование изделий из пьетры паесины. Получались настоящие шедевры, предназначенные исключительно для нужд герцогской семьи. Первым был Козимо Медичи, а затем пошло-поехало. Медичи было много, и, честно говоря, в них легко запутаться. То, что мы сейчас любим уникальными творениями мастеров флорентийской мозаики – заслуга Фердинандо I де Медичи, который в конце 16-го века основал во Флоренции знаменитое «*Opificio delle Pietre Dure*» для поисков, изучения и производства изделий из полудрагоценных камней. Вот эта контора как раз и занялась исследованием прилегающих к Флоренции холмов. Теперь «*Opificio delle Pietre Dure*» имеет свой музей. Другие раритеты находятся в галерее Питти, в церкви Санта-Мария-Новелла, в Палаццо Веккьо, в кафедральном соборе Сиены, в Пьенце и так далее. Прекрасная Италия... что сказать, туда хочется и хочется возвращаться.

Постепенно в 17-18 веках слава итальянской паесины дошла до королевских дворов всей Европы. Ее стало модно покупать, и лучшие образцы стоили существенных денег. Среди тех, кто приобретал изделия тосканских мастеров, были представители баварской, шведской, французской королевских фамилий. Конечно же, с детства знакомые кардиналы Ришелье и Мазарини не прошли мимо всеобщего увлечения. Их стараниями во Франции появились резчики и мастера по работе с паесиной. Однако всегда столицей пейзажного камня оставалась Флоренция.

Начиная с 17 века, пьетра паесина стала использоваться для декора исключительно популярных в то время «кабинетов редкостей». Появление кабинетов связано со страстью Ренессанса к познанию окружающего мира. Это были такие шкафы или какие-то шкафоподобные конструкции с ящичками, в которых хранилось все интересное: камни, семена и листья растений, археологические находки, останки животных – все, что может прийти в любопытную голову со средствами и связями. Впоследствии на базе всех этих «Кунсткамер» появились серьезные систематические музеи.

Кабинеты, как правило, богато декорировались. До сих пор эту мебель с непревзойденными по качеству, подбору и красоте паесинами можно увидеть в некоторых коллекциях. Раньше все было лучше, гласит народная мудрость – и деревья были высокими, и мороженое слаще, и камни были такими, каких сейчас не найти и не купить. Так ли это или иначе, верьте или не верьте, но действительно – паесины, найденные в средние века, имеют особую притягательность.

По существу, пьетра паесина понятие скорее эстетическое, чем минералогическое. Оно характеризуется особыми пейзажами, проступающими на полированном мраморизированном известняке. Имеется несколько типичных видов картин. Морской сюжет в нежных палево-зелено-синих тонах, в коричневатом обрамлении – один из моих самых любимых. Скажем, безмянный залив где-то на юге Италии, ленивый теплый день, сиеста...

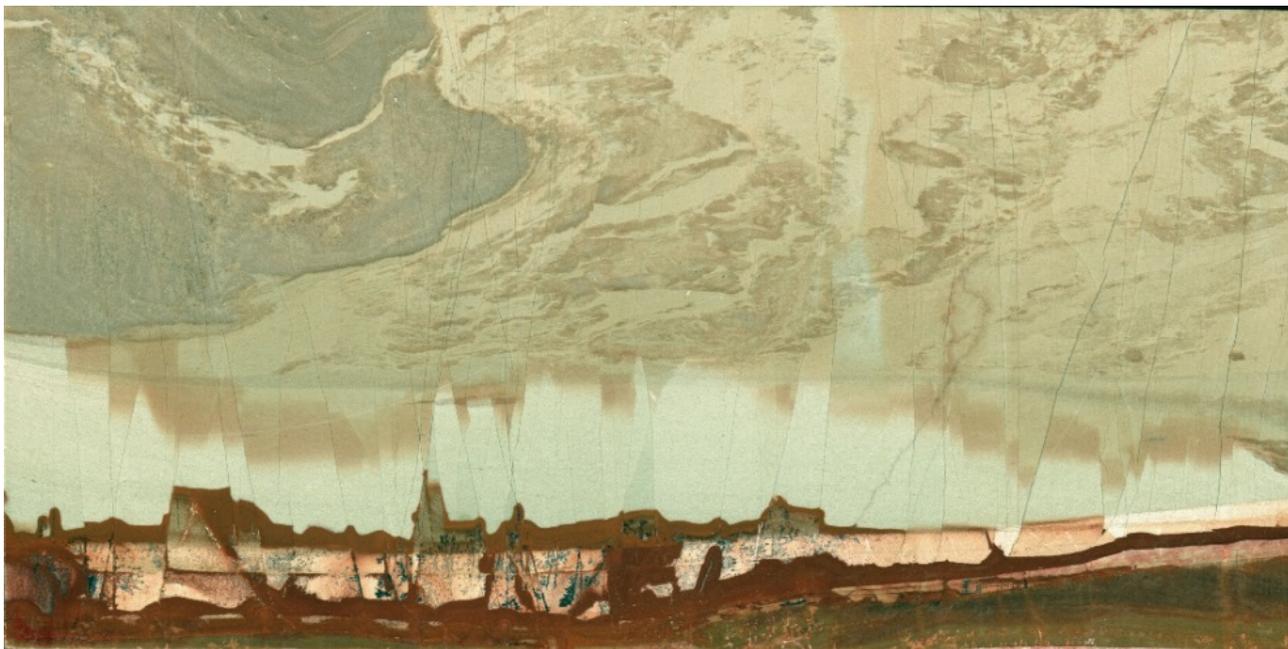
На многих пьетрах паесинах видны многоплановые структуры, состоящие из остроко-
нечных пиков, причудливых колонн, гигантских сталактитов, фантастических миражей, аб-
страктных полотен.

Как образовалось все это великолепие, до сих пор является предметом исследований. «Когда б вы знали, из какого сора...» сотворена завораживающая, как стихи Ахматовой, красота этого камня. По общему мнению, прозой жизни, которая обусловила образование пейзажного мрамора, явилось обогащение периодических кальциевых структур железными и марганцевыми оксигидроксидами и дальнейшее их окрашивание глинистыми минералами.

Пейзажи на пьетре паесине могут варьироваться тысячекратно, ни разу не повторяясь. Но среди них есть один, особый, который близок каждому, кто неторопливо путешествовал по итальянским дорогам, заезжая в небольшие городки Умбрии, Тосканы, Лацио. Вся местность утопает в зелени, долины прорезаны линейками тополей, холмы обрамлены ребрами крепостных стен, пиками церквей, полушариями соборов. Вот эта красота итальянской провинции и запечатлена в камне. Надо просто взглянуть в паесину – и все становится ясно, и слов не требуется.

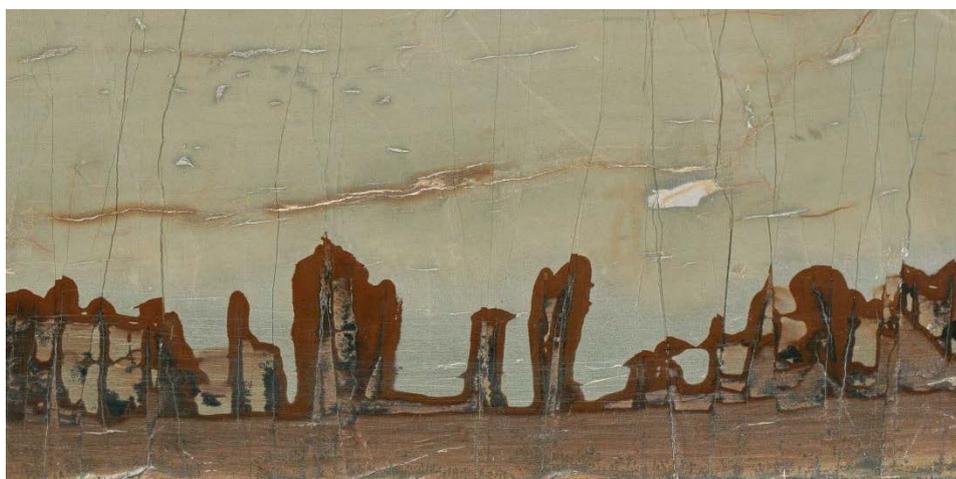

Распространенной темой многих паесин являются тщательно прописанные одиноко стоящие башни. Именно такие украшают знаменитую панораму Сан-Джиминьяно в Тоскане, а их неблизкие родственники привлекают туристов в села и крепости неподражаемой Хевсуретии.

Вообще говоря, взаимоотношение запечатленного на паесинах с реально существующим миром является весьма тонкой материей. А где тонко, там, как известно, всякое возможно. Вглядываясь во все новые и новые образцы, начинаешь верить в мистицизм камня, в его особую ауру и интеллект. Возникает некий антропоморфизм по отношению к способности пьетры паесины стимулировать воображение и вызывать бури эмоций. Начинаешь верить в индивидуальность и неповторимость каждого образца, в его артистическую ценность и незримую связь с человеком.

Например, эта паесина с первого взгляда приковала мое внимание. Еще не осознавая, в чем дело, я искал подходящий образ, пока не понял, что вижу «Пейзаж с Полифемом» Николя Пуссена. Дело в каком-то неформальном подобии гаммы и настроения. Но главную связующую роль играют, конечно, поднимающиеся к небу дымы. Не иначе как за одним из вулканов сидит Полифем и играет на свирели.

А здесь для меня иллюстрация к Одиссею и Навзикае. Особенно трогательно выглядит белое облачко – совсем как на картине Серова. Поражает, что никаких гомеровских персонажей на камне нет, а дух, композиция, цветовая гамма – все на месте.

Список замечательных паесин можно продолжать бесконечно. Вот сказочный замок. Мощный столб света уносит вверх все будничные мысли и чаяния его обитателей. А может быть, это небесный дождь снизошел на людей? Или это просто картинка из эпохи Возрождения? Или небесное знамение?

Не удивительно, что пьетра паесина, ее история и значение интересовали сюрреалистов. Андре Бретон, автор знаменитого Манифеста сюрреализма, посещал лучшие музейные коллекции в поисках особенно редких паесин, найденных еще в Средневековье. Его

друг и одновременно оппонент Роже Кайуа (*Roger Caillois*) всю жизнь собирал пейзажные камни и написал знаменитую книгу "*The Writing of Stones*", где отдельная глава посвящена итальянским пейзажным мраморам.

Горы. Кто-то очень одинокий воет в вышине и тишине. Плохо ему, одиноко...

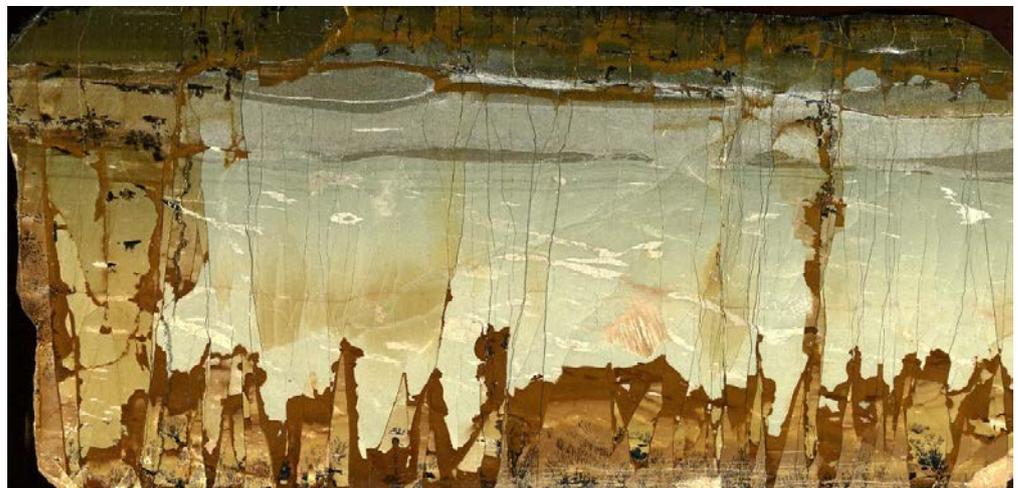

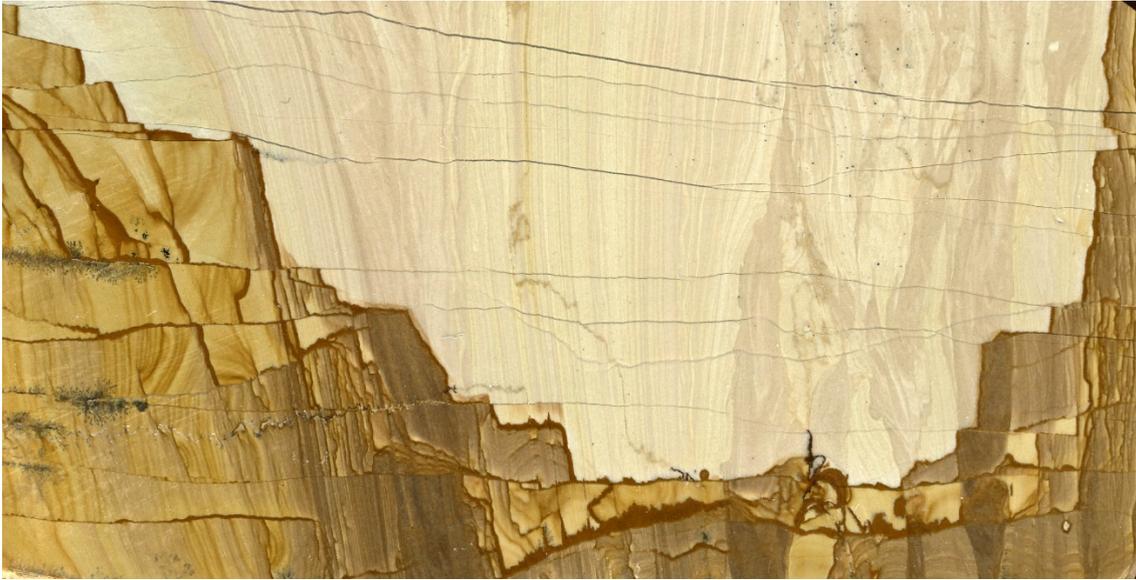
У каждого времени свои сказки. Эту паесину я купил, когда север Израиля ежедневно обстреливался ракетами из Ливана. У нас дома в Тель-Авиве жили, переживая бомбежки, беженцы из Хайфы. Один из них увидел камень и спросил, что это за зверь. Я рассказал про Медичи, про сюрреализм, про тайну и мистицизм. Он присмотрелся внимательно к картинке и задумчиво произнес: «А по-моему, никакого сюрреализма. Ракета в центре композиции уже на подлете к цели, сейчас как долбанет...»

Скалистые горные обрывы на фоне зеленоватого моря. Небольшой бриз поднимает барашки. А слева пасутся стада – Лигурия, Чинкве-Терре... Но если присмотреться, то слева отчетливо проступает человеческий профиль – лицо с опущенными ресницами. Такого рода эффекты с блеском использовал Дали.

Скалистые горные обрывы на фоне зеленоватого моря. Небольшой бриз поднимает барашки. А слева пасутся стада – Лигурия, Чинкве-Терре... Но если присмотреться, то слева отчетливо проступает человеческий профиль – лицо с опущенными ресницами. Такого рода эффекты с блеском использовал Дали.

Снова горы, точнее кубические, тяжелые скалы. Потoki воздуха поднимаются над ущельем, образуя струящиеся плотные драпировки. Это фантастический мир видений, где человек лишь черная, неотчетливая букашка в центре. Да и человек ли это вообще...

И, наконец, непревзойденный по умиротворенности морской пейзаж. Гамма немного северная, настроение пасторальное, от него веет задумчивостью и меланхолией. Но может быть, все дело в пасмурном небе?

Вот какие стихи посвятил паесине Пабло Неруда в 51-м году:

Paesina stone

*Orange stains..... of oxide
green veins upon limestone peace
that foam beats with its keys
or dawn with its rose,
this is how these stones are:
nobody knows
if they came from the sea
or if they are returning to the sea,
something surprised them while they were living,
in immobility they passed away
and built a dead city.
A city with no shouts, no kitchens,
a solemn fence..... of purity,
pure forms fallen
in disarray with no resurrection,
in a multitude that lost its gaze
in a grey monastery
doomed to the naked truth of its gods.*

Пьетра паесина

Оранжевые пятна ... оксида,
зеленые жилы в мире известняка,
где пена бьет ключами
или розовый рассвет,
таковы эти камни:
никто не знает,
вышли они из моря
или возвращаются в море,
что-то удивляло их во время жизни...,
неподвижные, они ушли
и построили мертвый город.
Город без криков, без кухонь,
торжественный забор чистоты,
чистые формы упали
в беспорядке, без воскрешения,
в толпе, которая потеряла свой взгляд
в сером монастыре,
обречённые на обнаженную правду своих богов.

Со времен нашей поездки по центральной Италии, со времен Ассизи прошло немало лет. Я по-прежнему нахожусь в плену – пленник, околдованный первой встречей с пейзажным камнем вообще и с пьетрой паесино в частности. Я отдал им часть своей души, и взаимность была тому наградой. Я получил в подарок острое, как клинок, и нематериальное, как эфир, видение камня. Пройдены дороги, подросли дети, появились внуки. Свежесть восприятия сменилась яркостью воспоминаний, чувство удивления уступило место зрелой силе опыта, восторг сменился знанием. Лишь только страсть осталась неизменной. Под ее крылом красота волнует кровь, желание обладать напрягает жилы, улыбка фортуны по-прежнему заставляет чаще биться сердце.

Дорогие мои, я пишу о Камне, о Пьетре Паесине. По крайней мере, я так иногда думаю...

